

Григорьева Марина Анатольевна

ФЕМИННОСТЬ КАК ЛАТЕНТНОЕ ОРУЖИЕ В СТРАТЕГИИ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ПРАКТИК

В статье рассматриваются феномен участия женщин в террористической деятельности (мотивы, условия, роль), допустимость гендерной аналогии применительно к модели асимметричного конфликта.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/6-1/13.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 6 (12): в 3-х ч. Ч. I. С. 62-65. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

**PYTHAGOREAN TRIAD "MATHEMATICS-MUSIC-COSMOS" RECONSTRUCTION
IN A. F. LOSEV'S PHILOSOPHY**

Elena Alekseevna Grigor'eva
Department of Philosophy
Kursk State University
sakya86@bk.ru

The author reveals the character of mathematics, music and cosmology interaction in Pythagoreans' doctrine and the principles of Pythagorean doctrine reconstruction in A. F. Losev's creativity which has not only historical-philosophical significance but also rehabilitates Pythagorean way of world understanding in the face of modern science demonstrating Pythagorean triad fruitfulness for the restoration of the Universe integral image which has been lost by new European science.

Key words and phrases: Pythagoreans; cosmos; number; music; harmony of spheres.

УДК 323.285+316.423.6

В статье рассматриваются феномен участия женщин в террористической деятельности (мотивы, условия, роль), допустимость гендерной аналогии применительно к модели асимметричного конфликта.

Ключевые слова и фразы: гендер; политический терроризм; асимметричный конфликт; мотивация феминного порядка.

Марина Анатольевна Григорьева
Кафедра политологии
Ставропольский государственный университет
igla_fatal@mail.ru

ФЕМИННОСТЬ КАК ЛАТЕНТНОЕ ОРУЖИЕ В СТРАТЕГИИ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ПРАКТИК[©]

Актуальность гендерных аспектов исследования терроризма обусловлена глобализационными тенденциями, политизацией религии и достижением женщиной уровня актора национального и глобального политического пространства. Однако процесс проявляет себя не всегда однозначно, тем не менее, его отличают общие «механизмы запуска» и катализаторы. Сложность и неоднозначность проблемы зримо проявляется на Северном Кавказе, что объясняется полиэтническим и поликонфессиональным характером региона и делает ее еще более актуальной для российской политологии.

В начале XXI в. новое развитие получила практика исполнения суицидальных террористических акций женщинами, что свидетельствует о либерализации ближневосточного общества и индустриализации производства, обозначивших необходимость модернизации гендерной системы отношений и пересмотра религиозных канонов в отношении женщин - первостепенные задачи, стоящие перед мировым сообществом, решение которых позволит отчасти снять социальное напряжение, а следовательно, обесточить силы противника, составляющего угрозу государственной безопасности.

Начиная с середины XIX в., гендерная модель терроризма преодолела три этапа трансформации под влиянием перехода от традиционного общества к индустриальному, секуляризации и глобализации: народнический терроризм в царской России, использовавший феминность в качестве латентного оружия; леворадикальный терроризм в Европе и США второй половины XX в., используемый в качестве одного из методологических преимуществ феминистических движений второй половины XX в.; религиозный экстремизм как ведущая разновидность терроризма XXI в., использующий гендерную дискриминацию как средство борьбы с проникновением западноевропейских ценностей и эмансипационными процессами. В экономическом контексте, на всех этапах существенна роль замены ручного труда машинным, позволившей использовать немускульные источники энергии. В религиозном контексте, народнический терроризм в Российской Империи можно оценить как продукт проявления бессознательных религиозных интенций в условиях распада христианского фундамента культуры - взрыва социального утопизма, своего рода мессианизма и эсхатологического восприятия истории (в свете социалистических идеалов); леворадикальный терроризм - реакция Запада на наступление эпохи постмодерна, которая расправилась со всеми абсолютными ценностями и верой в объективную истину; религиозный экстремизм - это реакция на внутренний кризис исламской цивилизации, ее неспособность справиться с доминированием «атеистической» культуры, которая приводит к актуализации эсхатологических аспектов ислама.

Будучи явлением, существующим вне строго определенных географических границ, стирающим четкие социальные рамки, терроризм преломляет гендерную стратификацию, согласно которой насилие относят к

явлениям маскулинного порядка наравне с прочими объектами, явлениями и действиями, сексуализированными (т.е. разделенными по признаку пола) с момента осмысления процесса сотворения мира и собственных роли и сопричастности к нему. Нарушение привычно доминирующего гомосоциального поля заставляет общество воспринимать женщину, вступившую на путь терроризма, как «вдвойне отклонение от нормы». Переосмысливая слова Роберта Коннелла, терроризм среди других мотивирован проблемой «гегемонной маскулинности» [6] и стремлениями устранить видимые «несовершенства» гендерной системы посредством применения наиболее радикальных методов, иными словами, «женщины-террористки превращают битву полов в битву с обществом в целом» [4]. Таким образом, масштаб насилия, как правило, свидетельствует о кризисных тенденциях в современном гендерном порядке.

В подавляющем большинстве мировых культур женщины выполняют «мирную» роль, поскольку «военная» - традиционно считается мужской. Поэтому переход женщин в иное качество, и даже предельная динамика процессов, с ним связанных (от суфражистских движений к террористической организации), нарушают диалектику гендерной метафоры войны и мира. Карл Каннингем, профессор Университета штата Нью-Йорк, автор исследования «Межрегиональные тенденции женского терроризма», считает, что во многих обществах именно невозможность участвовать в обычных формах политической деятельности толкает к наиболее радикальным методам борьбы [7]. Так, будучи «вдвойне невидимыми», женщины приобретают особую привлекательность для террористической деятельности, а, с другой стороны, метод терроризма становится одним из методологических преимуществ феминистических движений. Как подчеркивает И. Жеребкина [2], из ипостаси Прекрасной Дамы возникает популярный в эпоху модернизма травматический образ *femme fatale*, уместающийся, на наш взгляд, в рамках концепции асимметричных конфликтов. Анализ асимметричного конфликта сквозь призму гендерной модели, предложенный И. М. Поповым [10], наиболее полно позволяет отразить авторскую позицию по отношению к проблеме участия женщин в террористической деятельности.

Согласно определению, асимметричность предполагает имманентно присущее и принципиально неустранимое неравенство сторон в физической и материальной силе, следовательно, асимметричный конфликт, в широком смысле, - столкновение между физически и материально сильной стороной «F» и физически и материально слабой стороной «f». Уподобив его столкновению интересов и поведенческих характеристик в конфликтной ситуации мужчин (F) и женщин (f), можно сделать некоторые выводы: допустимость гендерной аналогии применительно к модели асимметричного конфликта; феминная природа поведения слабой стороны «f» в асимметричном конфликте. Во-первых, феминной по природе стороне «f» свойственно прибегать к недопустимым, с точки зрения стороны «F», приемам и методам, игнорируя правила, нормы и принципы. С точки зрения слабой стороны, для самозащиты допустимы и морально оправданы любые акции. Следует заметить, что чем более сложной является ситуация для стороны «f», тем более отчаянно-неадекватными и жестокими становятся ее контрдействия. Во-вторых, феминной природе свойственна абсолютная убежденность в своей правоте и непогрешимости, упорство в непризнании вины и, соответственно, перенос ответственности за ошибки на других. Феминная сущность стороны «f» в конфликте с «F» принципиально исключает саму возможность достижения моральной победы сильной стороной. В-третьих, в силу более высокой степени эмоциональности и чувственности в фокусе внимания и интереса женщины оказываются взаимоотношения между людьми, предметами и явлениями. Экстраполяция этого вывода на асимметричный конфликт предполагает тот факт, что для «f» наиболее эффективной стратегией и тактикой действий является воздействие на эмоциональную сферу (эффективнее всего через СМИ), т.е. применение невоенных средств и методов. В-четвертых, сторона «f» склонна к ведению длительных, бессистемных, изматывающих боевых действий, которые не способна длительное время поддерживать сторона «F».

В некоторой степени, поле действий асимметричного конфликта по тактическим и стратегическим приемам образует «зону комфорта» для «f», и вместе с тем, феминный характер поведения иррегулярных сил не является характеристикой и определяющим фактором их гендерного состава, не раскрывает мотивы, условия и роль женщины в террористической деятельности. Эти вопросы требуют отдельного, более тщательного рассмотрения.

Долгое время сфера деятельности женщины в террористических структурах ограничивалась организацией политической поддержки, созданием тайников и конспиративных квартир, сбором пожертвований, ведением разведки, работой с информаторами и т.д. За последовавшие 15-20 лет произошли заметные изменения, связанные с появлением террористических организаций, состоящих исключительно из женщин, например: группы, образованные непальскими маосистами и Рабочей партией Курдистана, революционные ячейки РАФ, в частности «Красная Зора».

Следует отметить не только интенсивный, но и экстенсивный рост влияния их (женщин) на ход террористической войны с позиций руководителя и в ряде случаев основателя организации. Известны примеры таких организаций как (в скобках указано количество женщин): восточногерманская Фракция Красной Армии / Группа Баадер-Майнхоф (10), итальянские Красные бригады (5) и Прима линия / Линия фронта (3), Красная Армия Японии (основатель и лидер - Фусако Шигенобу), американские Симбионистская армия освобождения (7) и Везермены (14), баскская сепаратистская группировка Родина и свобода басков / ЭТА (начальником штаба и фактическим организатором операций долгое время была Женеьев Форест Тарат), Ирландская республиканская армия (Эллен Мари Маргарет Маккери), мексиканская Сапатистская армия национального освобождения (команданте Рамона, субкоманданте Элиса), сальвадорский Фронт национального освобождения имени

Фарабундо Марти (вторая в его командовании - Мелида Аная Монтес), аргентинская Монтонерос (главный идеолог - Норма Эстер Аростито), Народный фронт освобождения Палестины (Лейла Халед), Сандинистский фронт национального освобождения (З), колумбийская ФАРК (полевой командир - Эльданеис Москера).

За последние десятилетия значительно возросло число женщин, принимающих активное участие в деятельности террористических структур непосредственно в боевых акциях. Вероятно, показательны примеры колумбийской ФАРК, насчитывающей в составе организации в настоящий момент до 20 тыс. бойцов, из числа которых 40% составляют женщины [9, р. 207]; перуанской марксистской организации Сияющий путь, в которой женщины составляют около половины от общего числа боевиков организации [7, р. 179]. Кроме того, во многих западноевропейских странах в последние десятилетия XX в. женщины составили от одной четверти до половины всего состава террористических группировок: в Германии - 47,6%, во Франции - 45,6%, в Италии - 44,9%, в Испании - 21,1% и т.д. [3, с. 41].

В 1974 г. американский исследователь терроризма Брайан Мишель Дженкинс пришел к выводу: «Терроризм - это театр» [12, р. 4], что объясняет, почему женщины-террористки всегда пользовались повышенным вниманием прессы и вызывали больший интерес у аудитории СМИ, тем более выступая в роли политических представителей или спикеров террористических структур. Это позволяет террористам более успешно пропагандировать свои цели и идеологию. Кроме того, женщин легче подготовить к роли террориста-самоубийцы: они, как принято считать, более управляемы, чем мужчины и лучше поддаются идеологической обработке, их не надо обучать военному делу и методам конспирации. Женщины привлекают меньше внимания у сотрудников служб безопасности и полиции, им легче спрятать на теле взрывное устройство.

В 1940-е гг. индийские повстанцы направляли женщин, обвешанных гранатами, в расположение британских войск; позднее в Шри-Ланке были зафиксированы массовые случаи использования женщин-самоубийц; Сандинистский фронт национального освобождения впервые отправил на исполнение террористических актов женщин в 1980-1990-е гг. Первой и самой молодой женщиной-мученицей СФНО была Арлен Сью Бермудес - никарагуанская революционерка китайского происхождения, будучи членом христианского движения, в 18 лет присоединилась к СФНО и в возрасте 20 лет погибла, стала символом женского движения; второй известной мученицей СФНО была Идания де лос Анхелес Фернандес, которую ставят в один ряд с Камило Торресом, Че Геварой и Хосе Марти; участницы движения Хизбаллах совершали единичные террористические акты против Израиля с середины 1980-х гг.; и, наконец, в 1990-е гг. ряд исламистских террористических групп поставил этот процесс «на поток» и начал массовое рекрутирование молодых женщин на роль моджахеда, наиболее высокой точки достигнувший в период с 2003 по 2008 г. - 60% [9, р. 49]. Тигры освобождения Тамил-Илама с 1987 г. в 25% случаях использовали для совершения суицидальных атак женщин (23 из 109 человек) [Ibidem, р. 29].

В результате, за прошедшие столетия наблюдается видимый рост как интенсивных, так и экстенсивных показателей степени вовлеченности женщин в террористическую деятельность. И в данном случае играют существенную роль не столько условия, способствующие вхождению их в терроризм, сколько безусловной доминантой этого процесса выступает фактор личностной мотивации. Нами была сформулирована мотивация, представляющая ряд факторов исключительно феминного порядка и не включающая общие личностные (эмоциональные, невротическо-патологические, корыстные) и политико-идеологические и другие мотивации [5] обращения к терроризму.

1. Преодоление гендерно-ролевой системы. Террористическая организация привлекательна для женщин на основе принципа равенства по гендерному признаку: женщины, в том числе, наделялись управленческими функциями в зависимости от умений и организаторских способностей, степени доверия и ответственности. Хотя в руководящей сфере в значительной степени преобладали мужчины, среди техников и исполнителей - женщины. По замечанию Ч. А. Рассела и Б. Х. Миллера [11, р. 53-55], городской терроризм 1960-80-х гг. - преобладающе мужской феномен с привлечением женщин к выполнению «теневых» второстепенных ролей. Однако степень их активности зависит от контекста политики: процентное преобладание может быть сфальсифицировано повстанческими группами, чтобы произвести впечатление на феминистически настроенных иностранцев. Соответственно, получая возможность свободной самореализации, равные социальные права, с другой стороны, женщина остается замкнутой в традиционной гендерной стратификации, оказавшись на вторых ролях, за одним исключением: она ощущает, что сама сделала этот выбор и способна изменить ситуацию в любой момент, как только она перестанет ее устраивать. Кроме того, в террористическую группу приводят поиски психологического комфорта, эмоциональной поддержки, ощущения безопасности, непреодолимый внутриличностный конфликт, в том числе, связанный с гендерной идентификацией. Стать членом организации - значит преодолеть отчужденность, почувствовать себя частью «целого», покончить с разорванностью существования, перейти к «подлинной» жизни: «Ты оставляешь мать, идешь стрелять, но делаешь это, чтобы жизнь имела смысл... Таким образом, ты находишь материальное воплощение своему отказу» [1].

2. Преодоление социокультурных и религиозных рамок. В этой связи наибольшую активность проявляют женщины, чья роль в семье жестко регламентирована, разрыв с религиозными и семейными традициями требует гораздо больших усилий и происходит на глубинном уровне. Получив доступ к высшему образованию, вырвавшись из замкнутого мирка «черты оседлости», женщина выбирает самые крайние формы борьбы, предполагающие, среди прочего, готовность к самопожертвованию и тотальному разрыву с обществом.

3. Любовно-драматический мотив. Будучи более идеалистически настроенными, чем мужчины, женщины более чувствительны к окружающей их действительности и потому готовы к радикальному шагу в ответ на отказ правительства или того, кто всемогущ, модифицировать не устраивающую действительность, опыт смерти или страдание любимых. В отличие от мужчин, следующих за соблазном «слава и власть», среди ключевых женских мотивов - обещание «лучшей жизни для детей и желание удовлетворить социальные потребности».

Подводя итог, следует сказать, что в 1960-1980-е гг. отдельные политологи были вынуждены констатировать заметную «феминизацию» терроризма. Тем не менее, феномен участия женщин в террористической деятельности как научно-исследовательская проблема продолжает оставаться актуальной, оставляя открытыми для обсуждения многие ее фрагменты. Прежде всего, в практических целях важно решить вопрос, связанный с мотивацией, побуждающей к обращению к террористической деятельности исключительно женщин. А именно, распространению терроризма в результате подъема революционных демократических и феминистических движений, расширению социальных прав и свобод, утверждению толерантности в обществе и т.д. в том числе была отведена роль средства борьбы против всех форм дискриминации по половому признаку как абсолютная гарантия быть услышанным, транслировать требования и юридически закрепить их реализацию. На сегодняшний день многие мусульманские общества осознают, что равноправие является важнейшей основой любого демократического общества и правового государства, которое стремится к социальной справедливости и уважению прав человека. Однако по преодолению гендерной асимметрии на Востоке пройдена заметная часть пути, в то время как к решению проблемы, связанной с «феминизацией терроризма» и выработкой соответствующих контрмер, удалось приблизиться лишь отчасти.

Список литературы

1. **Викторов В.** Живые бомбы: женский терроризм становится реальной угрозой // Военно-промышленный курьер. 2005. № 19.
2. **Жеребкина И.** «Прекрасная дама»: к вопросу о конструктах женской субъективности в России // Гендерные исследования: феминистская методология в социальных науках: материалы 2-й международной летней школы по гендерным исследованиям. Харьков, 1998. С. 223-241.
3. **Морозов И. Л.** Политический экстремизм - леворадикальные течения: учебное пособие для студентов и аспирантов. Волжский: ВФ МЭИ, 2002.
4. **Решад А.** Женское лицо террора // Время и деньги. 2004. Вып. 34 (1741).
5. **Чурков Б. Г.** Мотивационные и идейные основы современного терроризма // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. 1993. № 4.
6. **Connell R.** Gender and Power: Society, the Person, and Sexual Politics. Cambridge: Polity, 1987.
7. **Cunningham K. J.** Cross-Regional Trends in Female Terrorism // Studies in Conflict & Terrorism. 2003. № 26 (3). P. 171-195.
8. **Dearing M. P.** Agency and Structure as Determinants of Female Suicide Terrorism: a Comparative Study of Three Conflict Regions. Monterey (California): Naval Postgraduate School, 2009.
9. **Graham S.** Mother and Slaughter: a Comparative Analysis of the Female Terrorist in the LRA and FARC // African Politics: beyond the Third Wave of Democratization. Chapter 10. P. 198-219.
10. <http://www.milresource.ru/>
11. **Hudson Rex A.** The Sociology and Psychology of Terrorism: Who Becomes a Terrorist and Why? / ed. Marilyn Majeska. Washington, D.C.: Federal Research Division Library of Congress, 1999.
12. **Jenkins B. M.** The Psychological Implications of Media-Covered Terrorism. Santa Monica (Call.): RAND Corporation, 1981.

FEMINITY AS LATENT WEAPON IN TERRORISTIC PRACTICES STRATEGY

Marina Anatol'evna Grigor'eva
Department of Political Science
Stavropol' State University
igla_fatal@mail.ru

The author considers the phenomenon of women participation in terroristic activity (motives, conditions, role) and the acceptability of gender analogy for asymmetric conflict model.

Key words and phrases: gender; political terrorism; asymmetric conflict; motivation of feministic character.